

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.П. Аквилонов

**О божественности христианства и
превосходстве его над буддизмом и
мохаммеданством**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 6. С. 850-861.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

О божественности Христіанства и о превосходствѣ его надъ Буддизмомъ и Мохаммеданствомъ *).

3. Выступленіе Господа Иисуса на проповѣдь.—Характеристика Его ученія по сравненію съ буддѣйскимъ и мохаммеданскимъ.—Проповѣдь о царствѣ небесномъ.—Христіанское „обращеніе“.—искупленіе и его отличіе отъ буддѣйскаго.—Чудеса Христовы, возраженія противъ чудесъ, отличіе послѣднихъ отъ мусульманскихъ.—Общее заключеніе о разсматриваемыхъ религіяхъ.

СЪ САМЫХЪ первыхъ дней своего общественнаго служенія Господь Иисусъ Христосъ проявляетъ Себя необыкновеннымъ Посланикомъ Божиимъ. Въ Его проповѣди нѣтъ даже и тѣни безпомощнаго, затруднительнаго, ошибочнаго начала, изъ котораго только съ постепенностью развивался бы болѣе совершенный способъ ученія; отсутствуютъ малѣйшее колебаніе или неувѣренность въ отысканіи правильнаго выраженія религіозныхъ идей, особенно ярко выступающія въ проповѣдяхъ исламскаго пророка; отъ начала до конца здѣсь говоритъ увѣренный въ Себѣ богопросвѣщенный Наставникъ, не въ человѣческой школѣ получившій свое образованіе, а отъ небеснаго Отца, Который «любитъ Сына и вся показываетъ Ему». Слышимъ-ли мы первоначальныя или позднѣйшія рѣчи Господа — ни тѣ не являются болѣе юношескими, ни эти — болѣе зрѣлыми или законченными, но всѣ одинаково несутъ печать божественнаго совершенства. Какъ трудна была учительная задача Господа Иисуса! Совершенно новую, доселѣ неслыханную проповѣдь о совершившемся пришествіи на землю

*) Продолженіе. См. апрѣль.

Единороднаго Сына Божія, а вмѣстѣ и о наступленіи небеснаго царства, требовалось облечь въ такую форму, въ которой она была бы понятна не однимъ только премудрымъ и разумнымъ, но всѣмъ безъ различія, начиная съ простыхъ и уничиженныхъ міра, и въ то же время нисколько не теряла бы изъ своего глубочайшаго содержанія. Господь Иисусъ съ безпримѣрнымъ превосходствомъ исполнилъ свою миссію. Въ своихъ, взятыхъ изъ повседневной жизни, притчахъ Онъ съ неподражаемымъ умѣньемъ изложилъ предъ слушателями возвышенное ученіе о *царствѣ небесномъ*.

Съ трогательной простотою и ничѣмъ совнѣ не выдѣляясь отъ самыхъ заурядныхъ людей безвѣстнаго Назарета, открытъ Христосъ свою проповѣдь словами І. Крестителя: «покайтесь, ибо приблизилось царство небесное!» Намѣренно Проповѣдникъ не выставялъ на первый планъ свое Лицо, но предупредительно заслонялъ Его въ притчахъ о названномъ царствѣ, предоставляя самимъ слушателямъ выводить изъ послѣднихъ близкое заключеніе о самомъ Проповѣдникѣ. Въ притчахъ Мѡ. 13 Христосъ излагаетъ *развитіе*, въ эсхатологическихъ рѣчахъ Мѡ. 24 и 25—*завершеніе* и въ нагорной проповѣди—*существо* царствія небеснаго. Царство небесное, царство Божіе—эти два выраженія, первое изъ которыхъ употребляется преимущественно евангелистомъ Маттеемъ, означаютъ въ сущности одно и то же, ибо царство небесное становится именно таковымъ только потому, что самъ Богъ является Его царемъ.

Что же означаетъ оно? нирвану? приснившійся рай? ожидаемую въ будущемъ награду, въ смыслѣ эквивалента совершенныхъ на землѣ дѣлъ? Отвѣтъ на предложенные вопросы даетъ самъ Христосъ. «Бывъ спрошенъ фарисеями, когда придетъ царствіе Божіе, отвѣчалъ имъ: не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо вотъ, царствіе Божіе *внутри васъ* есть». Въ этомъ заключается, по словамъ самого Христа, «тайна». Она не можетъ быть выражена въ словахъ, не поддается также и логическому опредѣленію; и, тѣмъ не менѣе, самъ же Спаситель стремится посредствомъ притчей приблизить ее къ пониманію слушателей: «царствіе Божіе подобно горчичному сѣмени» на полѣ, оно меньше всѣхъ сѣмянъ; но, при старательномъ уходѣ, изъ сѣмени произрастаетъ дерево, такъ что «птицы небесныя укрываются въ вѣтвяхъ его». Царство небесное подобно «закваскѣ, которую женщина взявши положила въ три

мѣры муки, доколѣ не вскисло все». Яснѣ всего царствіе небесное является подь образомъ «зарытаго въ полѣ сокровища». Что поле означаетъ мѣръ,—это ясно выражено Христомъ». Итакъ, *въ этомъ мѣрѣ*, т. е. въ земной жизни находится зарытымъ сокровище; внутри насъ самихъ сокрыто царствіе небесное; здѣсь оно открывається, а тамъ, въ загробномъ мѣрѣ, достигаетъ своего полнаго раскрытія—откровенія. Такова тайна царствія небеснаго, какъ выражается самъ Спаситель, и въ тоже время это тайна Его собственной жизни, тайна Его Лица. У Христа нѣтъ, какъ у Будды, отвращенія отъ жизни, а, наоборотъ, у Него «*обращеніе*» въ другую сторону направленія жизни, по Его же словамъ: если не «*обратитесь*, то не войдете въ царство небесное». Здѣсь не какъ у Будды—нѣтъ только ученія; здѣсь нѣтъ никакого органическаго соприкосновенія съ іудейскою мудростью; наоборотъ, подлинно изъ другого міра слышатся эти изреченія: «блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю. Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ... Возмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, потому что Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обрячете покой душамъ вашимъ, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Такъ еще никто не говорилъ до Христа и послѣ Него никто не сказалъ и не скажетъ ничего лучшаго. Но эти рѣчи, какъ легко видѣть, отнюдь не имѣютъ характера «ученія», а подобно тому, какъ интонація голоса, посредствомъ чего-то таинственно-невыразимаго, посредствомъ персональнѣйшаго самой персоны, восполняетъ то, что мы знаемъ о человѣкѣ изъ чертаній его лица и по его дѣйствіямъ, такъ, полагаемъ, и въ этихъ рѣчахъ Христовыхъ слышится Его *голосъ*: можетъ быть, въ точности намъ неизвѣстны Его слова (о чемъ свидѣлствуютъ различные варианты въ ихъ передачѣ евангелистами), при всемъ томъ, съ исключаяющею всякую тѣнь сомнѣнія достоверностью до нашего слуха доносится незабвенный *тонъ* ихъ и отсюда достигаетъ сердца. И вотъ, мы открываемъ глаза и видимъ этотъ образъ, эту жизнь! Черезъ тысячелѣтія доносятся къ намъ Его слова: «научитесь отъ Мене!» и мы теперь понимаемъ значеніе ихъ: быть подражателями Христу, жить, какъ жилъ Христосъ, умереть, какъ умеръ Онъ, — въ этомъ *состоитъ* царствіе небесное, въ этомъ—вѣчная жизнь.

Въ наше время, въ которое такъ часто приходится сталкиваться съ пессимизмомъ и съ отрицаніемъ свободной воли, нѣкоторые и во Христѣ хотятъ видѣть проповѣдника мрачной

философіи самоуничтоженія. Но если понятія о крайнемъ пессимизмѣ и детерминизмѣ приложить къ Буддѣ, то послѣдній будетъ представлять собою ихъ конкретное воплощеніе, какъ, и наоборотъ, Христосъ—совершенное отрицаніе. Если царствіе Божіе въ насъ, то причемъ же пессимизмъ? Какимъ образомъ человѣкъ будетъ представляться только страждущимъ и на одно горе рожденнымъ существомъ, если въ его сердцѣ заключается начало божественной жизни? Какъ мы назовемъ этотъ міръ «худшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ», если съ нимъ лобзается само небо? Такая мрачная философія—не христіанская. Самъ Спаситель горько изобличаетъ мертвенныхъ книжниковъ, которые затворяютъ царствіе небесное предъ людьми, и сами не входятъ въ него и хотящихъ войти не пускаютъ, и, наоборотъ, славословить своего Отца за то, что Онъ «сокрылъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ». Самъ Христосъ, по выраженію одного изъ древнихъ апологетовъ, не былъ «софистомъ», «но сила Божія обитала въ Немъ». «Въ Томъ *животѣ* бѣ»,—и вотъ почему: Спаситель не отвращался прочь отъ жизни, а, наоборотъ, обращался къ ней. Происходящій изъ внутренней Азіи, не буддизмомъ впервые открытый, а только подтвержденный имъ, пессимистическій аскетизмъ съ его міроненавистничествомъ достигъ границъ Галилеи; но кто же назоветъ Христа проповѣдникомъ унылаго монашества въ буддійскомъ духѣ? Наоборотъ, въ противоположность своему Предтечѣ, «пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣсть и пить; и говорятъ: вотъ, человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ». Впрочемъ, Господь Иисусъ представляетъ намъ образецъ абсолютнаго воздержанія отъ многого, чѣмъ наполняется жизнь большинства людей; но это воздержаніе и есть то именно «обращеніе», которое ведетъ въ царство небесное, и является не внѣшнимъ, а чисто внутреннимъ подвигомъ. Чему учитъ Будда, то представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ физическое явленіе, это—фактическое умерщвленіе тѣлеснаго и душевнаго человѣка; желающій искупленія долженъ дать три обѣта: цѣломудрія, бѣдности и послушанія. У Христа нѣтъ ничего подобнаго: Онъ присутствуетъ на бракѣ въ Канѣ галилейской, а самый бракъ объявляетъ святымъ установленіемъ. Правда, богатство Онъ называетъ препятствіемъ къ *обращенію*: «удобѣ велбуду сквозъ иглы уши проити, нежели богату въ царствіе Божіе вйти», но тотчасъ прибавляетъ, — и въ этомъ заключается самое главное,—что «невозможное у человѣковъ

возможно у Бога». Опять предъ нами одно изъ такихъ мѣстъ, которое не могло быть вымышлено, ибо нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не находится ничего подобнаго. И прежде раздавались громовыя рѣчи противъ пристрастія къ богатству, но онѣ не предвосхитили Христова ученія. Для Христа богатство есть цѣчто совершенно вышнее, обладаніе которымъ не можетъ служить неодолимымъ препятствіемъ къ спасенію, ибо Онъ имѣеть въ виду только внутреннее обращеніе, — что впоследствии такъ неподражаемо выразилъ апостоль языкъ въ чудномъ гимнѣ хр. любви. Богатому юношѣ Спаситель сказалъ: «если хочешь совершенъ быть, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ»; апостоль дѣлаеть слѣдующее разъясненіе этихъ словъ: «и если я раздамъ нищимъ все имѣніе свое, а не буду имѣть любви, то нѣтъ мнѣ въ томъ пользы». Кто видитъ предъ собою только одну смерть, тотъ пусть довольствуется бѣдностью, цѣломудріемъ и послушаніемъ, а избирающій жизнь думаетъ о высшихъ предметахъ.

Что касается христіанскихъ заповѣдей о смиреніи, о терпѣніи, о любви къ врагамъ, то, имѣя нѣкоторое сходство по буквѣ съ буддійскими нравственными правилами, онѣ діаметрально противоположны имъ по духу. Всякая перенесенная обида для Будды представляется умираніемъ, а для Христа — средствомъ, пролагающимъ путь евангельскому возрѣнію на жизнь: «блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное». Но если мы теперь переступимъ внутреннюю сферу и займемся вопросомъ — нужно замѣтить: самымъ существеннымъ — о направленіи воли, то услышимъ на первый взглядъ поразительныя слова: «думаете ли вы, что Я пришелъ принести миръ на землю? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе; ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ стануть раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трехъ. Ибо Я пришелъ раздѣлить человека съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея». Не миръ, но мечь! Нельзя не отнестись внимательно къ этому тону, если только кому либо угодно понять явленіе Христа. Вся Его жизнь представляетъ собой открытую борьбу не съ формами цивилизаціи, культуры и религій, которыя Онъ находилъ вокругъ Себя, — Онъ соблюдалъ требованія в.-завѣтнаго закона и повелѣлъ платить дань кесарю, — но съ внутреннимъ настроеніемъ человека, съ тѣми сокровенными побужденіями, изъ которыхъ рождаются извѣстные поступки, съ тою цѣлью, которая кроется позади поступковъ. Съ всемірно-исторической точки зрѣнія явленіе Христа означаетъ собою

явленіе новаго родоначальника. Лишь разнчать столько же расъ, сколько цвѣтовъ кожи; новый «цвѣтъ воли» навѣрно глубже пронцаеть организмъ, по сравненію съ накомнымъ пигментомъ. И самъ Родоначальникъ новаго челоѣчества не допускаеть никакого компромисса: одно изъ двухъ: или Богъ, или мамона. «Обращающійся», въ случаѣ нужды, долженъ оставить, даже, самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ и слѣдовать за Христомъ, — не для смерти, какъ въ буддизмѣ, а для жизни. Въ этомъ пунктѣ прекращается всякая сантиментальность: кто погибъ-погибъ, и о такомъ даже не проливается слезъ: «оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ». Именно здѣсь для ипыхъ является искушеніе—обезличить Христа со стороны неумолимой требовательности Его, исключаяющей служеніе двумъ господамъ, конкретнымъ выраженіемъ чего служатъ «интерконфессіональные религіозные конгрессы», на которыхъ духовныя лица чуть не со всего свѣта жмутъ другъ другу руки, а многочисленные свидѣтели привѣтствуютъ это, какъ выраженіе истинно-христіанскаго братства. Можетъ быть, съ какой-либо точки зрѣнія это и хорошо, но только Христосъ не послалъ бы сюда ни одного изъ своихъ апостоловъ. Слово крестное или безуміе, или же—сила Божія. Самъ Господь утвердилъ между ими непроходимую пропасть и стражемъ ея поставилъ огненный «мечъ». Понимающій явленіе Христа не будетъ удивляться этому.—Когда Спаситель учить: «кто ударить тебя въ правую ланиту, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, тому отдай и верхнюю одежду» — ученіе, которое оправдалъ своимъ поразительнымъ примѣромъ самъ Распятый, — то кто не видитъ, что оно тѣсно связано съ дальнѣйшимъ: «любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ», и что здѣсь съ неотразимою очевидностью выражается то внутреннее обращеніе, но только не съ буддійской пассивностью, а въ высочайшей формѣ живого дѣйствія? Въ заповѣдяхъ Христовыхъ—не требованіе одного только самообладанія, но такое «обращеніе» воли, вступленіе въ сокровенное царствіе Божіе, то «новорожденіе», которымъ обуславливается полное видоизмѣненіе «чувствованій». Въ этомъ-то, именно, и заключается новое. До Христа кровавая месть была священнымъ закономъ всѣхъ людей. Но Распятый молился на крестѣ за своихъ враговъ: «Отче, прости имъ: не вѣдаютъ бо, что творять!» Кто принимаетъ здѣсь голосъ божественнаго состраданія за измѣненную гуманность, тотъ не уразумѣтъ ни одной черты въ явленіи

Христа. Раздающійся на крестѣ голосъ происходитъ изъ царства Божія и откликается эхомъ въ нашемъ сердцѣ; болѣзни и, даже, самая смерть уже не имѣютъ надъ Нимъ власти; объ эту твердую волю разбивается всякая мірская скверна, какъ морская пѣна о гранитную скалу; въ виду приближающейся смерти Онъ скорбитъ только о томъ, что мучители пригвождаютъ ко кресту своего Спасителя, «зарываютъ сокровище въ полѣ», почему и восклицаетъ: «не знаютъ, что творятъ!» Здѣсь говоритъ самъ божественный Разумъ, видящій несравненно дальше, чѣмъ индусскій, здѣсь предъ нами крѣпчайшая воля, увѣреннѣйшее въ себѣ самосознаніе. Весь «законъ и пророки» зиждутся на *любви* къ Богу и ближнему. Будда стремится освободить человѣка отъ жизни и перерожденій, Магометъ — отъ наказанія и ада, Спаситель — отъ *грѣха и смерти*. Дѣйствіе Господа Иисуса на человѣческое сердце — *чудо*, котораго не знали и до котораго не могли подняться ни Будда, ни Мохаммедъ.

Какъ Богочеловѣкъ, Христосъ-Спаситель въ своемъ собственномъ Лицѣ представляетъ единственное и безпримѣрное чудо и, слѣдовательно, не могъ не творить чудесъ. Да и что такое представляетъ собой, вообще, чудо? Чудо есть такое дѣйствіе, которое не можетъ быть произведено одними только дѣйствующими въ природѣ или человѣческими силами, а чрезъ ихъ посредство или непосредственное силою Божіей. Уже естественный міръ представляетъ многочисленныя тому доказательства. Міръ органической жизни, растительное и животное царства являются чудомъ въ отношеніи къ неорганическимъ матеріаламъ, такъ какъ эти послѣдніе не въ состояніи произвести изъ себя органическую жизнь, и потому ея возникновеніе непременно обусловливается чудодѣйственнымъ вмѣшательствомъ Творца вселенной. Такъ и человѣкъ представляется чудомъ по отношенію къ животному міру, ибо послѣдній не въ состояніи произвести изъ себя свободноразумное существо. Подобнымъ же образомъ и тѣ перемѣны, которыя, въ силу своей разумносвободной дѣятельности, человѣкъ производитъ въ природѣ, въ растительномъ и животномъ царствахъ, разсматриваемыя съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, являются чудесами, какъ происходящія не изъ существа и силъ этихъ самыхъ тварей, а только изъ воздѣйствія на нихъ высшей воли. Такъ и самъ Господь Иисусъ съ Его безгрѣшностью, съ Его нравственнымъ совершенствомъ, представляется величайшимъ, по

сравненію съ несовершеннымъ человѣкомъ, чудомъ, ибо, взятое въ цѣломъ, человѣчество не было въ состояніи породить изъ себя безгрѣшнаго Человѣка, Который находился бы въ несравненно болѣе близкомъ отношеніи къ небесному Отцу, чѣмъ самое человѣчество или лучшіе изъ людей, и, слѣдовательно, рожденіе Спасителя міра непременно обусловливается творческимъ вмѣшательствомъ самого Бога въ «естества чинъ». Если же самъ Господь Иисусъ есть чудо чудесъ, то рѣшительно нѣтъ ничего страннаго въ Его *чудотвореніи*. Наоборотъ, мы были бы въ высшей степени поражены, когда бы такой, безмѣрно превосходящій всѣхъ другихъ религіозныхъ дѣятелей, Пророкъ не былъ въ неизмѣримой-же степени «силенъ и словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людьми». Ибо каковъ дѣятель, таково и Его дѣло.

Разсматриваемая съ такой точки зрѣнія и въ связи съ Его богочеловѣческимъ Лицомъ, чудеса Христовы рѣшительно противятся всякому, такъ называемому, естественному ихъ объясненію. Не далеко еще то время, когда, въ угоду предвзятой теоріи, считали ихъ за мнѳическій вымыселъ. По какому-то капризу слѣснаго случая будто родилось убѣжденіе, что Мессія «долженъ» творить чудеса и, притомъ, такія, которыми, насколько можно значительно, превышались бы чудеса ветхозавѣтныхъ людей Божіихъ: Моисея, Иліи, Елисея. Такимъ образомъ, говорятъ, благодаря фантастической сагѣ, Лицо Мессіи было украшено нимбомъ чудотворца. Но какъ же поздно, въ такомъ случаѣ, должны были составиться наши евангелія, что бы освободить мѣсто столь необыкновеннымъ мнѳообразованіямъ! Съ какимъ непомѣрнымъ насилиемъ требовалось привлечь къ дѣлу в.-завѣтные образы, чтобы по нимъ создавать легендарныя сказанія! Но пусть будетъ такъ, какъ угодно послѣдователямъ мнѳической теоріи. Спрашивается, какъ могло произойти то, что народъ призналъ Иисуса за Мессію, если Онъ въ дѣйствительности не сотворилъ ни одного чуда? Обще-народная вѣра въ Него, какъ въ обѣтованнаго Мессію, не указываетъ ли съ необходимостью на то, что Онъ творилъ соответствующія своему призванію чудеса? Чего только ни придумывали злѣйшіе враги Спасителя съ цѣлью развѣнчать Его мессіанское достоинство, — и ни одинъ изъ нихъ, однако, не осмѣлился отрицать Его знаменій и чудесъ. Въ крайнемъ случаѣ, чтобы только выйти изъ затрудненій, иные называли недостаточными совершенныя прежде чудеса и требовали отъ

Него новыхъ и болѣе совершенныхъ чудесъ (ср. Мо. хvi, 1; Ю. vi, 30), или же, въ неистовой злобѣ, приписывали ихъ бѣсовской силѣ (Мѣ. ix, 34, 12, 24). Равно какъ и заклятый врагъ Господа Иисуса, іудейскій талмудъ, не отрицаетъ въ Немъ дара чудотвореній.

Нельзя согласиться также и съ тѣмъ, что произведенное Господомъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на своихъ послѣдователей, безпредѣльное упованіе на Него и безусловная вѣра въ Его чудотворную силу и представляютъ собой, именно, то, что мы называемъ Христовыми чудесами. Но при такомъ произвольномъ взглядѣ на взятый предметъ остаются въ сторонѣ чудеса, произведенныя Спасителемъ надъ бездушною природою, исторически несомнѣнныя столько же, сколько и всякія другія чудеса. Затѣмъ, здѣсь не остается мѣста для исцѣленія больныхъ на разстояніи, или такихъ, которые стали здравы по вѣрѣ своихъ близкихъ, а также и другихъ, относительно которыхъ мы не можемъ сказать чего-либо болѣе опредѣленнаго, какъ только одно, что нашего наблюденія недостаточно, что бы констатировать у нихъ наличность какой-либо вѣры.

Что бы не пробавлялся жалкимъ раціонализмомъ, каждый непредубѣжденный изслѣдователь долженъ признать истиннымъ такое заключеніе: самъ Господь І. Христосъ есть чудо, чудо въ совершенномъ, въ полномъ, сверхъестественномъ смыслѣ, и потому Онъ творить чудеса, совершенныя и превосходящія всякую мѣру нашего разумѣнія. Нѣкоторыя изъ рѣчей Спасителя, исключаяющихъ сомнѣніе въ своей подлинности, даже, со стороны крайнихъ раціоналистовъ, такъ тѣсно связаны съ Его чудесами, что отрицать послѣднія было бы труднѣе, чѣмъ сомнѣваться въ подлинности первыхъ. Вспомнимъ, напримѣръ, о посольствѣ Крестителя или объ укоризнахъ Христовыхъ невѣрующимъ городамъ: какой смыслъ имѣли бы упомянутыя событія, если признать неправдоподобными всѣ свидѣтельства о чудесахъ Господнихъ? Обыкновенная въ послѣдніе время ссылка на неизмѣнное постоянство и законмѣрность явленій во внѣшней природѣ отнюдь не можетъ служить отрицательной инстанціей противъ дѣйствительности чудесъ. Пусть не воображаютъ только, будто библія, постоянно повѣствующая о необыкновенныхъ чудесахъ, менѣе освѣдомлена о правильности и неизмѣнности дѣйствующихъ въ природѣ законовъ сравнительно съ естественными науками, такъ настойчиво трактующими о неразрывной связи между явленіями природы и счи-

тающими себя охранительницами здравыхъ ученій вопреки библейскому суевѣрью. И библія знаетъ о господствующихъ въ мірѣ порядкахъ, о математически-правильномъ теченіи небесныхъ свѣтилъ и пр., но только, по ея взгляду, эти порядки служатъ не препятствіемъ, а, наоборотъ, гарантіями и удостовѣреніемъ чудснаго управленія самимъ Творцомъ въ Его необъятномъ домостроительствѣ, какъ и свидѣлствуютъ о томъ, наирямѣрь, слѣдующія слова пророка: «такъ говоритъ Господь: если можете разрушить завѣтъ Мой о днѣ и ночи, что бы день и ночь не приходили въ свое время, то можетъ быть разрушенъ и завѣтъ Мой съ рабомъ Моимъ Давидомъ» (Иер. xxxiii, 20—21). Въ самомъ дѣлѣ, нарушался ли закономѣрный ходъ естественныхъ явленій, когда велѣніемъ творческаго Слова неорганическая матерія производила изъ себя органическія существа? Нельзя смотрѣть на естественный законъ, какъ на какую-нибудь, начертанную гдѣ-то на скрижаляхъ природы, неизмѣнную формулу, предписывающую всѣмъ существамъ такой, именно, а не какой-либо другой образъ бытія. Наоборотъ, естественный законъ представляетъ собой только извѣстный фактъ, выведенный изъ ряда произведенныхъ человѣкомъ наблюденій, докладывающій, кому слѣдуетъ, о томъ, какъ произошло взятое явленіе, а вовсе не повелѣвающій, чтобы произошло такое-то явленіе, и не запрещающій происходить ему.

Теперь понятно, что безгрѣшный и безконечно святой Господь не могъ не творить чудесъ, но творилъ ихъ въ силу своей необыкновенной близости къ тому міру, изъ котораго исходятъ законы для земного міра, — творилъ ихъ, какъ Царь всѣхъ міровъ. Отрицавшій Бога индійскій философъ вполне послѣдовательно отказался отъ титула чудотворца, ибо «чудо вѣры есть любимое дитя»; Мохаммедъ, въ качествѣ мнимаго посланника Божія, естественно, приписывалъ себѣ безчисленное множество одно болѣе другого удивительныхъ чудесъ. Какъ по плодамъ познается дерево, такъ и по чудесамъ — чудотворецъ. Эти послѣднія въ мусульманствѣ фантастичны, какъ сказки Шехерезады, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпримѣрно цѣлѣны, гармонируя въ томъ съ самымъ исламскимъ пророкомъ. Свой косвенный судъ христіанство уже произнесло надъ такими чудесами, отвергнувъ апокрифическія сказанія, которыя можно поставить въ среднѣ между евангельскими чудесами, съ одной стороны, и содержащимися въ Коранѣ, съ другой. И если чудеса, сообщаемыя въ апокрифахъ, суть только цѣлѣныя «басни».

выражаясь словами апостола, то чудеса Корана въ этомъ отношеніи далеко опередили ихъ. Если по чудесамъ судить о Мохаммедѣ, то придется только повторить вышесказанное о немъ, и, наоборотъ, если начать съ Мохаммеда, то о чудесахъ его опять придется сказать только—что сказанное. Съ какой бы стороны ни подойти къ предмету, онъ отъ того не потеряетъ ни одного изъ своихъ крупныхъ недостатковъ. Разумѣется, никто не можетъ отнять у Будды и Мохаммеда силы нравственнаго вліянія на ихъ послѣдователей, но и здѣсь предъ нами не чудеса въ строгомъ смыслѣ слова, а только воздѣйствія относительно болѣе сильныхъ лицъ на болѣе слабыхъ. Ни въ буддизмѣ, ни въ исламѣ не найти ни одного чуда, подобнаго такимъ, напримѣръ, евангельскимъ чудесамъ, въ которыхъ исцѣлялись немощныя души, изъ грѣшниковъ выходили праведники, изъ сыновъ погибелии — послѣдники райскаго блаженства. Понятно, почему? Потому что надо нанередъ самому быть безгрѣшнымъ, чтобы говорить: «чадо, отпущаются тебѣ грѣхи твои», надо самому быть въ Богѣ, чтобы сказать «возьми одръ твой и ходи», или: «тебѣ говорю: востани!» Въ устахъ же всякаго другого эти слова оказались бы непростительнымъ богохульствомъ, и хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что ни индійскій, ни исламскій пророки не дерзали произносить эти и подобные имъ—въ *ихъ* устахъ—«безумные глаголы».

Буддизмъ—не религія, и не философія,—онъ не что иное, какъ душу убивающая этика радикальнаго пигилизма. Буддизмъ—это чисто пассивная мораль страданія, уничтожающая всякое внутреннее развитіе и тормозящая прогрессъ. Если буддизмъ и позволяетъ любить, то дѣйствуетъ онъ, спасаетъ и утѣшаетъ, отнюдь не имѣя въ виду любви. Нравственнаго обновленія буддизмъ дать не можетъ. Неподвижное тупоуміе—вотъ плодъ этой морали. Источникомъ нравственнаго обновленія буддизмъ ни коимъ образомъ служить не въ силахъ, а потому буддизмъ самъ уже произнесъ надъ собою приговоръ. У Будды сущность религіи имѣетъ болѣе внутренній характеръ, у Мохаммеда болѣе внѣшній. Будда хочетъ убить душу и освободить человѣка отъ собственнаго я; Мохаммедъ, напротивъ, заковываетъ душу въ тѣлесныя путы. Существованіе гаремовъ съ обусловленной ими приниженностью женщины, процвѣтаніе рабства, деспотизмъ правителей, фанатизмъ массъ и постоянно встрѣчающаяся надменная увѣренность въ правотѣ своего дѣла, наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ мало исламъ способенъ

правственно обновить своихъ приверженцевъ. Исламу не достаётъ строго нравственнаго чувства, заключающагося въ самомъ себѣ, нравственнаго мѣрила для оцѣнки поступковъ; но, что важнѣе всего, не достаётъ идеальныхъ достоинствъ личности его основателя. Исламъ есть мірская религія, преслѣдующая земныя цѣли; онъ представляетъ собою деспотическій принципъ въ заимствованной отъ іудео-христіанства одеждѣ. Поэтому онъ будетъ всегда стоять на пути духовнаго развитія народовъ, но въ то же время со своимъ монотеизмомъ можетъ скорѣе послужить переходной ступеню къ христіанству, чѣмъ погубляющей душу буддизмъ.

Буддизмъ—религія уничтоженія, исламъ—религія самонадѣянности, христіанство — религія искупающей любви. Будда отнимаетъ жизнь, Мохаммедъ — погружаетъ человѣка въ ея бездны, Господь Иисусъ ставитъ вѣрующихъ выше ея. Буддизмъ дѣлаетъ человѣка утомленнымъ жизнью, исламъ животолубцемъ, христіанство — міропобѣдителемъ. Будда — бѣжавшій изъ міра аскетъ, слѣдованіе за которымъ равносильно самоуничтоженію; Мохаммедъ сомнительнаго достоинства лже-пророкъ, религія котораго стѣсняетъ человѣка и дѣлаетъ его гордымъ; одинъ Господь Иисусъ есть Спаситель, принесшій царство Божіе на землю. Пусть же дерево «боди» осѣняетъ 450 милліоновъ человѣкъ, пусть полумѣсяцъ распространяетъ свое господство съ помощью огня и меча, — сѣгира при корнѣхъ деревьевъ лежитъ, дни ихъ сочтены. Много признаковъ предвѣщаютъ такой конецъ въ будущемъ. Крестъ—единственный символъ побѣды, и пробьетъ часъ, когда послѣдователи Будды и Мохаммеда преклонятся предъ нимъ и «со всеми языками, которые есть на небѣ, на землѣ и подъ землею, исповѣдають, что нѣтъ другого имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежитъ намъ спастись, какъ только имя *Иисуса Христа Назорея*» *).

Проф.-прот. Е. Аквилонъ.

*) Продолженіе будетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки